

CONGRESSUS SEPTIMUS INTERNATIONALIS
FENNO-UGRISTARUM

DEBRECEN 27. VIII.—2. IX. 1990.

**SESSIONES PLENARES
DISSERTATIONES**

REDIGUNT

**LÁSZLÓ KERESZTES
SÁNDOR MATICSÁK**

DEBRECEN, 1990

INHALT - CONTENT - СОДЕРЖАНИЕ

Koivulehto, Jorma	Entlehnung und Lautgesetz	7
Rédei, Károly	Zu den uralisch-jukagirischen Sprachkontakten	27
Kodolányi, János	Von der Beutekultur bis zum Ackerbau	37
Makkay, János	New Aspects of the PIE and the PU/PFU Homelands: Contacts and Frontiers between the Baltic and the Ural in the Neolithic	55
Hint, Mati	Russian Influences in the Estonian Language	87
✓ Кельмаков, В.К.	Взаимодействие факторов различных уровней в истории пермских языков	105
Siikala, Anna-Leena	Transformations of Oral Epic. The Age and Character of Kalevala Poetry	125
Fodor, István	Language and Culture in the Ancient History of the Hungarians	145
Korhonen, Mikko	Glottogenetik und Sprachgeschichte	159
Veenker, Wolfgang	Quantifizierung? - Unifizierung!! - Optimierung!!!	179
Tauszik, Tamás	Human Genetic and the Hungarian History	203
Wickman, Bo	Finno-Ugric Linguistics 1960-1990	235
Künnap, Ago	Samoyed Linguistics 1960-1990	261
Domokos, Péter	Uralistische Studien 1960-1990	285
Халиков, А.Х.	Развитие археологического знания в области уралистики и финно-угроведения за 1960-1990. гг.	303

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФАКТОРОВ РАЗЛИЧНЫХ УРОВНЕЙ В ИСТОРИИ ПЕРМСКИХ ЯЗЫКОВ

В. К. Кельмаков

Ижевск

0.1. Многие специалисты в области диахронической лингвистики придерживаются мнения о множественности причин того или иного языкового изменения (см.: Косериу 1963: 268; Стеблин-Каменский 1966: 75; и др.). При этом всю совокупность причин, мотивов и импульсов, которыми могут быть вызваны к жизни исторические изменения и различные процессы в развитии языков, принято делить на две группы, обусловленные двойственной природой самого языка: с одной стороны, он представляет собой особым образом иерархически структурированную систему (или систему систем) с присущей для нее "внутренней необходимостью перестройки языкового механизма" – причины внутренние (интралингвистические); с другой стороны, язык, будучи системой открытой, находится в постоянной зависимости от той среды, в которой он функционирует, и легко доступен воздействию поступающих из этой меняющейся среды импульсов к изменениям и сдвигам – причины внешние (экстралингвистические) (Общее языкознание 1970: 198; Макаев 1973: 233).

0.2. Объектом внимания данного исследования являются те внутриязыковые явления, которые, зародившись под влиянием определенных факторов в недрах одного из ярусов системы, впоследствии сами (совместно с прочими экстра- и/или интралингвистическими импульсами) стали причиной дальнейшей перестройки и развития различных подсистем пермских языков.

Заметным явлением пермской диахронии, дающим возможность наблюдать сложное переплетение причинно-следственных отношений между различными историческими процессами, которыми обусловлено появление серии специфических черт пермских языков почти на всех уровнях языковой системы, было отпадение конечных гласных основы.

I. Принято считать, что в финно-угорском праязыке корни знаменательных слов (за исключением местоименных) состояли из двух слогов; конечный слог, как правило, был открытым и содержал краткие гласные – широкие *-a/*-ä и узкий (узкие) *-e/(? *-e) (Lakó 1933: 173; 1965: 16; Hajdú 1966: 51; Rédei 1968: 41; Дыткин 1970а: 221-222; 1974: 192; и др.). Корни имели следующую фонетическую

структуру: VCV, VCCV, CVCV и CVCCV (Наждау 1966: 53; К.Редэи (Rédei 1986: XI) реконструирует еще и: VCCCV, CVCCCV). К раннепрапермскому периоду в результате частичного сужения в безударном положении гласных среднего (и нижнего) подъема (см. также: Коренчу 1974: 63) складывается следующий состав гласных непрерывных слов: *a, *ā, *e, *ē и *i (Lakó 1934: 56; Rédei 1968: 41-42); после же массового отпадения гласных среднего подъема (Lakó 1934: 56; Лыткин 1957: 69) поздний прапермский язык имел уже в непрерывных слогах гласные лишь самого нижнего или самого верхнего подъема, состав которых в построениях различных ученых варьируется, напр.: *a, *i, *i (Lakó 1933: 176; 1934: 56); *a, *e, *i, *i (Rédei 1968: 41) или *a, *e, *i (Лыткин 1964: 239).

Отпадение конечных гласных основы имело далеко идущие последствия в истории пермских языков; по крайней мере, им мотивируют специалисты в области истории удмуртского и коми языков следующие изменения.

1.1. На фонологическом уровне.

1.1.1. Перестройка фонологической структуры непроизводной основы знаменательных слов привела, наряду с сохранением немногих корней старой двусложной структуры (CVCV: лымы 'снег', VCV: узы 'земляника', CVCCV: гурдо 'кряквя', зарни 'золото' и др.), к образованию значительного числа односложных корней с большим разнообразием фонетической структуры и некоторого количества двусложных основ иной структуры, чем было раньше (CVC: дйнь 'комель, основание', CV: ки 'рука', VC: ар' 'год', CVrC: шорт 'пряжа', C₁VC: куать 'шесть', V₁rC: урд 'ребро'; CVC₁C: турын 'трава, сено', кырым 'горсть', пукыф 'лук (орудие)') и др. (см.: Лыткин 1957: 74-81; Тепляшина 1978: 266-275; Кельмаков 1986: II6-II7).

1.1.2. Морфонологические чередования в корне проявляются двояко. С одной стороны, они касаются финали непроизводных основ в виде мены консонантной группы в позиции перед суффиксом с вокалическим началом (сохранение древнего сочетания) и и одиночного согласного в абсолютном исходе или перед начальным согласным суффикса (в непроизводном слове) либо анлаутным согласным второго компонента в сложном слове, т.е. -CC-(V-) // -C~ -C-(C-): ур.*šil-mā > синм- (синм-ын 'в глазу') // син(-) (син 'глаз', син-тэм 'слепой', син-кыли 'слеза') и т.д. С другой стороны, чередования связаны наличием/отсутствием неэтимологического *ы* между первич-

ными консонантными группами в корневом ауслауте, ср.: турын(-) (турын 'трава, сено', турын-лы 'траве, сену'; турын-ысь 'из травы (сена)') // турн- (турн-аны 'косить'); и др. (см. также: Лыткин 1957: 75).

I.I.3. Фонологизация звонких согласных, нехарактерных для финно-угорского праязыка (Најдѹ 1966: 45; Kálmán 1968: 227-228; Décsy 1969: 63; Rédei 1974: 309; и др.), возникла лишь в прапермский период и была обусловлена рядом фонетических изменений в (1) аус- (и/или ин-) и (2) анлауте прапермского корня.

I.I.3.1. С отпадением конечных гласных основы в ауслаутной позиции происходил процесс фонетического ослабления "обнажившихся" инлаутных финно-угорских согласных или их сочетаний, нашедший различное проявление в зависимости от качества самих звуков: 1) если одиночные назальные, латеральные и тремуланты сохранились без изменения, то смычные и *w, как правило, исчезли бесследно, напр.: *wege > удм.-к. вир 'кровь', *mene- > удм. мыны-, к. мун-'идти', *sóla > удм. съл, к. сѡв (съл-) 'кипка' - *kāte > удм.-к. ки 'рука', *puwe > удм.-к. пу 'дерево, древесина'; 2) аффрикаты и сибиллянты частично сохранились, а частично получили озвончение: *reša > удм. пуѣ, к. потш 'жердь' - *wəšz > удм. выш (диал. выѣ), к. вуж 'корень'; 3) геминаты и сочетания согласных упростились в одиночный глухой (иногда звонкий) согласный: *šärrä > удм. сәп, к. сѡп 'желчь', *kuryz- > удм. кысы-, к. кус- 'тушить, гасить', 'тухнуть, гаснуть' - *kowwe > удм. кыз, к. коз 'ель'; 4) сочетания носовых с гоморганными глухими смычными/аффрикатами, деназализовавшись, заместились звонкими соответствиями смычных/аффрикат (см. I.I.6) и т.д. Все эти синтагматические фонетические изменения привели к важной парадигматической перестройке системы согласных - возникновению оппозиции глухих/звонких согласных в ауслауте прапермского корня, ср. напр.: *šik (> удм. сик 'лес(ок)', к. сикт 'деревня', диал. сик 'островок в лесу, выделяющийся изобилием каких-л. ягод', 'ягодный куст') - *šig (> удм. сиг 'чердак', к. сигѡр 'скат (крыши, стога)' (КЭСК: 255, 254); *gaš (> удм. га-ѣоло, к. гатш 'навзничь, лицом вверх') - (?) *gaž (> гаж удм. 'желание; уважение', к. 'веселье; желание, хотение') (КЭСК: 75, 74); *šik (> к. мык 'елец') - *šig (> удм. мугор, диал. мыгор, к. мыгѡр 'тело, туловище, фигура, стан') (КЭСК: 181, 182) и т.д.

I.I.3.2. Значимость новоявленных звонких согласных в праперм-

ской системе консонантизма существенно повысилась в результате распространения их в самой сильной для согласных позиции - в начале слова. Само спорадическое озвончение анлаутных глухих ученые объясняют различными синтагматическими причинами: или как внешнее сандхи на стыке членов словосочетания и компонентов сложного слова, где под влиянием звонкой или вокалической финали первого члена глухое начало второго элемента синтагмы/композиции получает ассимилятивное озвончение, которое впоследствии может иногда обобщиться и для независимой позиции (Бубрих: 1948:85-86); или как распространение ин- и ауслатных звонких согласных, возникших в результате деназализации сочетаний типа *-mr-, и на начало слова (Steinitz 1945: 16, 22, 34), чему способствовали также наличие в середине слова сонорных r и l (дистантная регрессивная ассимиляция по звонкости) (Лако 1964: 68-69), заимствования из других языков и оноματοпозетическая лексика с начальными звонкими (Steinitz 1945: 34; Rédei 1974: 311).

1.1.3.3. Однако возможное спорадическое синтагматическое озвончение глухих согласных в результате действия вышеуказанных внутренних и внешних причин могло закрепиться в речи и возникшие таким образом звонкие согласные могли стать фактом фонемной парадигматики прапермского языка лишь в силу потребности самой системы усилить подсистему согласных в ответ на существенное обеднение подсистемы вокализма в результате отпадения конечных гласных основы и обусловленных им других фонетических изменений (см. Gulya 1964: 313; Лыткин 1968: 24; 1974: 128). В конечном итоге прапермский язык-основа получил восемь новых согласных фонем (*b, *d, *g, *ǰ, *ǰ̃, *z, *ž, *z̃), из которых семь (за исключением *z̃) употреблялись и в анлауте.

1.1.4. Перестройка акцентуационной системы. Из известных в уралоистике трех предположений о характере и месте словесного ударения в финно-угорском языке - (1) синтагматически подвижное (Setälä 1896: 49-51; Szinyei 1922: 46), (2) свободное нефиксированное (Лыткин 1964: 234-235; 1965: 265; 1970б: 263) и (3) фиксированное на первом слоге слова (Itkonen 1955:31-32; Hajdú 1966: 53; Rédei 1968: 41) - мне больше импонирует третья. И не только потому, что - как уже отмечалось финно-угроведами, - а) этот тип ударения наиболее распространен среди современных финно-угорских языков различной группы; б) все остальные отклонения

легко объяснимы, исходя из первичной акцентированности первого слога; в) отпадение конечных гласных основы, в различной степени имевшее место во многих языках, также предполагает безударность гласных непервых слогов и т.д.; но еще и потому, что постулирование ударения на первом слоге позволяет относительно просто объяснить две яркие особенности фонемной синтагматики финно-угорского праязыка: во-первых, развитую палатальную гармонию гласных (Найду 1966: 54), которая для своего нормального функционирования нуждалась в фонетически сильном, главенствующем (т.е. акцентированном) начальном слоге; во-вторых, резкую противопоставленность первого слога, отличавшегося количественным и качественным разнообразием гласных, всем непервым слогам с ущербным вокализмом, что также было бы немыслимо без того, чтобы первый слог не составлял акцентуационной вершины слова (Кельмаков 1986: 121-122).

В раннем прапермском языке сохранялось ударение на I-м слоге (Лакó 1934: 45, 52); и лишь отпадение конечного безударного гласного, в результате чего появилось большое количество односложных основ, в которых место ударения по существу перестало быть релевантным, привело к разрушению старой финно-угорской и раннепрапермской акцентуационной системы в позднепрапермском, а впоследствии и к переформированию новых систем акцентуации в коми и удмуртском языках. В этом процессе дополнительным, сопутствующим фактором оказалось влияние соседних языков (татарского на удмуртский, русского на коми-пермяцкий, карельского на коми(-зырянские) диалекты) (подробнее см.: Кельмаков 1986: 123-124).

I.1.5. (?) Сужение и спорадическая лабиализация широких финно-угорских гласных первого слога, встречающееся иногда и в других языках, в массовом порядке представлено в первую очередь в пермских языках (примеры см.: Лыткин.: 1957: 81; 1972: 101, 103-108; Тепляшина 1978: 301-302, 303-310). Среди множества гипотез, выдвинутых учеными для объяснения этого специфически пермского фонетического явления, в данном случае интерес представляют две, которые ставят его в определенную связь с отпадением конечных гласных основы.

I.1.5.1. По мнению В.И. Лыткина, "отпадение конечного гласного вызвало /компенсационное/ удлинение оставшегося гласного, а затем его сужение" (Лыткин 1957: 82; см. также: 1974: 175), типологически возможное для долгих гласных. Отдельные моменты этой

гипотезы получают типологическую поддержку в других языках, напр., в венгерском: фуг. *käte > венг. kéz ~ keze- 'рука' (~ прап. *ki); фуг. *tälä > венг. tél ~ tele- 'зима' (~ прап. *töl) и т.д. (Лыткин 1974: 175; см. также: Gulya 1964: 313; Kálmán 1968: 6), однако невозможно с полной уверенностью утверждать, что и в пермских языках процесс имел такой характер, ибо никаких следов бывшего наличия долготы гласных не сохранилось. Что касается количественной корреляции гласных в ижемском диалекте коми языка, то она представляет собой локальное явление весьма позднего происхождения (Терентьев 1970; Лыткин 1970в) и никак не связана с прапермским процессом сужения гласных первого слога.

I.1.5.2. K.Редэи (Rédei 1968: 41-42) причинно-следственную связь между вышеназванными фонетическими процессами строит иначе: безударные конечные гласные основы перед тем как отпасть, редуцировались, т.е., как он считает, сузились и лабиализовались; далее узкие (и лабиализованные) конечные гласные вторичного происхождения оказали ассимилятивное воздействие на предшествующий гласный (произошло сингармоническое выравнивание гласных по подъему), в результате чего широкие неогубленные гласные первого слога перешли в узкие и (спорадически) лабиализованные (несколько иначе Э.Коренчи - Kórenchy 1974: 64); что схематически можно было бы представить следующим образом:

$$*CaCa \left\{ \begin{array}{l} *CaC^i \rightarrow *CiC^i \\ *CaC^u \rightarrow *CoC^u \sim *CuC^u \end{array} \right\} \rightarrow CiC \sim CoC \sim CuC \dots$$

И данная гипотеза, как мне кажется, имеет слабое звено: весьма проблематично совмещение редукции гласных с их лабиализацией, факты свидетельствуют скорее об обратном - напротив, лабиализованные гласные, редуцируясь, частично или полностью утрачивают огубленность; к тому же в истории пермских языков лабиализованные гласные появились в непервых слогах очень поздно, в период их самостоятельного развития (подроб. см.: Кельмаков 1975: 67-68, 85-86).

I.1.6. (?) Делабиализация сочетания назальных со смычными/аффрикатами. Результатом этого процесса явилось возникновение звонких смычных/аффрикат: *-mp- > -b(-), *-mt-, *-nt- > -d(-), *-ŋk- > -g(-), *-pč- > -ʃ(-) ~ -ж(-), *-ńč- > -ʒ(-) ~ -з'(-) (примеры см.: Лыткин 1957: 91; Тепляшина 1978: 288-291). Одна из множества гипотез, выдвинутых для объяснения этого фонетического процесса, связывает его также с отпадением конечных гласных основы, квалифицируя зву-

копереход *-mp- > -b(-) и т.д. как своеобразный способ устранения стечения согласных, оказавшихся в ауслауте после отпадения конечного гласного: *kentā > *kent- > >гид 'хлев' (Кельмаков 1981: 136-137; 1986: 118-119). Однако и эта гипотеза (как, кстати, и другие) не безупречна, ибо не дает ответа на вопрос, почему из сочетания двух согласных, оказавшихся в ауслауте, сохранился наиболее слабый в фонетическом отношении (напр. смычный), и находившийся в абсолютном исходе, в то время как относительно устойчивый в пермских языках назальный, к тому же прикрытый последующим смычным/аффрикатой, сохранился.

1.2. На морфо(но)логическом уровне.

1.2.1. Перемещение морфемного шва. Об этом процессе В.И.Лыткин писал следующее: "Вообще отпадение конечных гласных вряд ли находится в связи с местом ударения. Скорее всего это явление возникло в процессе переразложения основы слова, когда конечный гласный корня присоединился к суффиксу и стал восприниматься как составной элемент последнего, а затем произошло обобщение суффиксальных словоформ, в результате выделился корень слова без гласного:... оп. *mun-ε-ma > к. mun-ε-ma 'ушел', оп. *kare-ti > удм. kar-eti 'по городу'... - выделились корни mun- и kar-. В формах слов, в которых отсутствует суффикс (именительный падеж, повелительное наклонение 2 л. ед. ч.) выступает новый корень (без конечного гласного), полученный путем абстрагирования форм склонения, спряжения и словообразования" (Лыткин 1970б: 263). В данном рассуждении (см. также: Molnár 1974b: 110) заменены местами причина и следствие: этимологический конечный гласный основы смог бы отойти к суффиксу лишь в том случае, если бы в языке уже имелся свободный корень без этого гласного (ибо последний отпал!), следовательно, отпадение конечного гласного должно было предшествовать переразложению основы, а не наоборот. Что касается самого механизма перемещения морфемной границы внутри производного слова и его связи с историей конечного гласного, то они получили в работе В.И.Лыткина весьма корректную интерпретацию.

1.2.2. Отпадение ауслаутных гласных и обусловленное им массовое переразложение основ привели к преобразованию фонетической структуры служебных морфем: на месте типичных финно-угорских суффиксов с вокалической финалью появились служебные морфемы с гласным началом, напр.: *-CV > -VC: притяжательный суффикс (далее: ПС)

2 л.ед.ч. фуг. *-tз > удм. -эд/-ыд, к. -ыт (см. Lakó 1934: 51); локатив ур. *-na/*-nā > удм. -к. -ын; терминатив ур. *-śз > удм. -озь, к. -џз (Rédei 1980: 265) и т.д.; *-ccv > -vc(c-): словообразовательный суффикс ур. *-kaz > удм. -эс(к-) (урд-эс 'бок' ~ урд-эск-ын 'на боку; сбоку') - к. -џс (потш-џс 'забор') (Uotila 1933: 174-175; Lakó 1934: 51); и т.д.

1.2.3. Преобразование элемента корня в суффикс вызвано тем, что вслед за конечными гласными основы иногда элиминировались и некоторые согласные, в том числе и суффиксальные, напр.: -к и -м (Лыткин 1957: 83). Так, в результате отпадения лативного ур. *-k в пермских языках образовался вокалический суффикс латива-иллатива удм. -э/-ы, к. -џ, восходящий к этимологическому конечному гласному основы (Wichmann 1923-1924: 160-161; Lakó 1934: 41; Лыткин 1957: 86; Rédei 1980: 265; и др.). Аналогична история суффикса относительных прилагательных удм. -о (< *-a) ~ к. -а, "восходящего", по-видимому к ур. *-k (Radanovics 1959: 80-81). Отпадение ауслатного *-m привело к суффиксированию конечного гласного основы, отпавшего в номинативе, но сохранившегося, получив грамматическую функцию, в следующих случаях: 1) в личных суффиксах глаголов 1 л.ед.ч. (Lakó 1934: 39; Uotila 1933: 221-225; Лыткин 1957: 84-85); 2) в качестве ПС-а 1 л.ед.ч. -э ~ -ы (Lakó 1934: 41; Uotila 1933: 225-226; Лыткин 1957: 85-86); 3) как одно из окончаний аккузатива (см. 1.2.4). И т.д.

1.2.4. Образование нового показателя аккузатива. Финно-угорский аккузативный *-m в прапермский период отпал, и его функция выражения определенности прямого объекта перешла на конечный гласный основы (удм. -э, к. -џ), сохранившийся в этой функции до наших дней в следующих случаях: 1) в местоименных формах: удм. мон-э ~ к. мен-џ 'меня', удм. кин-э 'кого' и др.; 2) в формах существительных притяжательного склонения: удм. ныл-д-э ~ к. ныв-т-џ 'твою дочь', удм. вал-з-э ~ к. вџв-с-џ 'его коня' и т.д.; 3) с существительным мурт 'человек': мурт-э (~ мурт-ээ) 'человека' (Wichmann 1923-1924: 159-160; Uotila 1933: 220-221; Лыткин 1957: 84; Rédei 1975: 135). Впоследствии во избежание омонимии ряда грамматических форм на этот же самый гласный -э (аккузатив, иллатив и ПС 1 л.ед.ч.), аккузатив получил новое окончание, восходящее к ПС 3 или 2 л.: удм. -ээ/-ыз, -ты/-ды; к. -џс, дп. (Лыткин 1952: 110) -тџ/-дџ (Wichmann 1923-1924: 160; Uotila 1933: 221; Rédei 1975).

1.3. На лексико-семантическом уровне.

Отпадение конечного гласного основы и связанные с ним другие звукоизменения, направленные на обеднение состава фонем и уменьшение длины слова, привели к омонимии ранее несходных форм. Так, первоначально различаемые двумя единицами (пра)формы ур. *mafe 'земля' ((здесь и далее приводятся реконструкции из UEW; другие источники оговариваются специально), 263) и фуг. *mete 'мед' (273), пережив в прапермский период ряд закономерных фонетических изменений: (1) отпадение -е, (2) "выветривание" обнаженных слабых согласных -f(-) и -t(-), (3) сужение и лабиализацию гласных первого слога а и е - совпали в одном му 'земля' - 'мед'. Ср. также: зу 'ось телеги' (фп. *setz, 757) - зу 'щетина' (? фп. *sukz, 767); ку 'кожа, шкура, мех' (ур. *kora, 180) - ку 'когда' (ур. *ku- ~*ko-, 191); пи 'детеныш; мальчик, сын' (фуг. *rojka, 390) - пи 'пазуха' (фуг. *roče, 395) - пи-: пипу 'осина' (пу 'дерево') (ур. *rojz, 391); пыр 'через, сквозь' (ур. *pura, 405) - пыр 'всегда, постоянно' (фуг., ? ур. *purkz (*pukrz), 407) - пыр-: пыр-пыр 'совсем, совершенно' (оп., КЭСК: 237); сю 'сто' (фуг. *sata, 467) - сю: сю юзматыны 'утолить жажду' (? ур. *suwe, 492-493) - сю-: сюкась 'квас' (? фп. *suka, 777-778); ты 'легкие' (ур. *täwe, 519) - ты 'озеро' (ур. *towz, 533) и др. Язык, разумеется, в омонимах не нуждается, и поэтому ищет способы к освобождению от них (см. 2.1).

2. В свою очередь фонетическая система, находящаяся в непрерывном движении и в ходе своей перестройки в поисках желаемого, однако едва ли когда-либо достигаемого, равновесия задевающая не только различные звенья своей структуры, но и отдельные элементы и подсистемы других уровней, сама находится под постоянным обстрелом импульсов, исходящих из других ярусов, которые вносят определенные коррективы (ослабление, задержку, усиление, дивергенцию и т.д.) в фонологические процессы. В истории пермских языков имеются убедительные к тому примеры в частности: (1) отпадение/сохранение ауслautного -ы и (2) двоякая огласовка ПС-ов I-3 л.ед.ч. в удмуртском языке.

2.1. Как известно, узкие гласные (ɨ и ɪ) в удмуртском языке, в отличие от коми, в одних случаях сохранились (ср. удм. пунь ~ к. пон 'собака', чунь ~ чань 'жеребенок' - примеры см.: Лыткин 1957: 71-72, 79-80; Molnár 1974a: 81, 83, 85, 88-89; Тепляшина

1978: 271), в других, по-видимому, пережили судьбу гласных среднего подъема. В настоящее время трудно определить, регулировался ли этот процесс удержания/утраты конечного $\dot{i}$ (i) какими-либо фонетическими правилами и законами или утверждение одной из форм происходило волею случая в ходе свободной конкуренции обоих вариантов; по крайней мере реликты последнего сохранились, на мой взгляд, в диалектах и литературном языке в виде параллельного употребления форм с -ы (-и) и без него: Жуйы (диал. Жуйи) ~ Жуй 'мох, лишайник', вугы ~ вуг 'скоба (двери), дужка (ведра)', мыйы ~ мый 'бобр', пбзы ~ пбзы 'рукавицы', мбйы ~ мбй 'пожилой', шашы ~ шаш 'осока', айы ~ ай 'отец; самец', чили-вали ~ чиль-валь 'свержение, сияние; блики' и т.д. (см. также: Кельмаков 1983: 52-60). Однако определенная часть слов, по-видимому, подверглась влиянию семантического закона омонимического отталкивания: во избежание обилия омонимов одни слова утратили -ы (-и), доводя процесс отпадения конечных гласных до полного завершения, в других именных корнях узкий гласный сохранился, что также допустимо в удмуртском языке. Примеры:

1) вал 'лошадь, конь' (фуг. *wālz (*wāłz), 563-564) - валы 'стельная (напр. корова)'

2) выж 'мост', 'пол' (фуг. *wanča-, 557) - выжы 'корень' (ур. *wačz ~ *wančz, 548)

3) гур I 'печь' (оп. *ggr, КЭСК: 78), гур II 'мелодия, напев, мотив' (оп. *ggr, КЭСК: 78), гур-: гурул 'подбородок' (фп. *kerz, 660) - гуры I 'сережка (дерева)' (оп. *garz, КЭСК: 74), гуры II 'зацепка (у крючка, остроги)' (доп. *kǝrā-, КЭСК: 75)

4) гыж: гыж кыскыны 'тащить волоком, волочить' (? фп. *koče-, 667) - гыжы, гыжы 'ноготь, коготь' (фуг., ? ур. *kinče (*künče) - (~ ? *kiče (*küče), 157)

5) дур 'край, окраина' (фп. *terz, 795) - дуры 'половник, поварешка' (оп. *darz < ии.: санскр. darvi- 'ложка', КЭСК: 87)

6) жыж 'истлевший, сопревший' (ср. венг. roshad, rossad, MSzFE: 537-538) - жыжы 'жнивье, стерня' (? фин. risu 'хворостинка, хворост', КЭСК: 241)

7) жезь 'повод узды' (оп. *rež, *rež, КЭСК: 240) - жезы 'ворота, калитка' (? ср. хант. зёз, зёз и др. 'западня, ловушка')

8) куась 'мелкий, неглубокий' (ур. *kuška (*koška), 223) - куаси 'селезень' (ур. *kasz ~ ? *kańsz, 111)

9) куд I 'болото' (доп. *kəδ-, КЭСК: 114), куд II 'хмель, по-хмелье' (ср. фин. *kontu* 'туман', КЭСК: 126), куд III 'который' (оп. *kəδ < ур. *ku-, *ko-, КЭСК: 125-126); куд -: (Этимология 1971. - М.: Наука, 1973. - С.391) куткуд, синкуткуд 'веки' (? фп. *komta, 671) - куды 'лукошко, короб' (оп. *kudi < *kundi < булг.: чув. кун-та 'лукошко, кузовок', КЭСК: 144); куды -: кудумульы 'черника' (? ур. *kottz, 190)

10) кур I 'луб(ок)' (фуг. *kere, 148-149), кур II 'ширина (ткани)', кикур 'ладонь' (ки 'рука') (оп. *kar (> *kar), КЭСК: 117) - куры 'медное кольцо' (фуг. *kere, 148)

11) (Wichm. WW, 136) кутš M 'птица, похожая на орла-могильника, но меньше его', -кыč, -куш: урткыč 'летучая мышь', пиёкуш 'канюк, сарыч' (фп. *kočka, 668) - кучы 'кряж дров (для углежжения, конусообразно сложенный)' (оп. *krč, КЭСК: 136; скорее: оп. *krčij)

12) -кыд: мылкыд 'желание, настроение', чынкыд 'хмарь, марево, (сизая) дымка' (ур. *kintz (*küntz), 158) - кыд 'отруби', ? кыды 'пустое зерно', 'пустой колос' (? фп. *küntz, 681)

13) кый 'змея' (ур. *kije (*küje), 154) - кыйы 'овсянка'

14) кыль 'зараза, заразная болезнь, поветрие' (фуг. *kolja, 173) - -кыли I: синкыли 'слеза' (син 'глаз') (ур. *kiñe(-13) (*küñe(-13), 159), -кыли II: пенъкыли 'мелкая рыба, мальки' (доп. *kuδ'e-, КЭСК: 145)

15) кын 'мерзлый' (фп. *kilma (*külma), 663) - кыны 'язь', 'хариус', 'форель' (доп. *kəγz, КЭСК: 131)

16) лек 'злой, сердитый' (оп. *1'zk-, КЭСК: 159) - (Wied.) +леку (с: 1'eki) 'лодыжка, бабка' (доп. *1'zkkz-, КЭСК: 158)

17) лым 'бульон' (фуг. *leme (*lēme), 245) - лымы 'снег' (фп., ? фуг. *lyme, 253)

18) мур 'глубокий' (ср. иран. *mārja > осет. *mal* 'глубокая стоячая вода, глубокое место в озере, болоте, реке; омут, пучина' - Орел: ВЯ.1986.5. - С.109) - муры 'яловая' (? фп. *marta, 699)

19) пёл 'среда, окружение' (фуг. *pälz, 364) - пёлы 'большой палец' (фп., ? ур. *pälkä, 363)

20) пуж 'решето' (фп. *rošz, 738), пуж -: пужмер 'изморозь' (фуг. *ričz (*rečz), 377) - пужы 'узор, орнамент' (? ур. *račz, 346)

21) пур I 'плот' (? фуг. *pora, 395) - пур II, пуры 'кисть,

гроздь' (фуг. *pǝrǝ, 418)

22) пурт 'нож' (оп. *purt < ир.: др.перс. *paraди-, КЭСК:233)
- пурты 'котел' (фп. *portta, 736-737)

23) пыц 'нога' (оп. *pǝd < ии.: санскр. pād 'нога', авест. pād 'тж') - пыцы 'гуща, барда' (ср. венг. pudva, podva 'гнилой' ? < иран.: санскр. pūti- 'гнилой, вонючий', КЭСК: 231)

24) пыр I 'через, сквозь' (ур. *pura, 405), пыр II 'всегда, постоянно' (фуг., ? ур. *purkǝ (*pukrǝ), 407) - пыр III 'мякина', пыры 'крошка' (? фуг. *pāre, 366)

25) скл I 'кишка' (фуг. *śola, 483), скл II: дѣды скл 'полозя саней' (?? фп. *śolke, 774) - склы 'кряква' (фуг. *śodka, 482)

26) сир 'рог' (фуг. *śorwa, 486), сир I 'неродной': сиранай 'мачеха', сирныл 'падчерица' (оп. *śor < булг.: чув. сурă, сурри 'половина', КЭСК: 253), с'ур II: с'урву 'пакисель' (ву 'вода'), сурел 'цветочная пыльца злаков' (-ел - суффикс) (? ср. фин. suurima и др. 'крупн', Кельмаков 1970: 142-143) - сиры 'перекладина, намест' (фп. *śarja, 770)

27) тур 'тетерев' (? фп. *tere (*tetre), 794) - тури 'журавль' (фуг. *tarǝ-kǝ, 513)

28) тыл 'огонь' (ур. *tule, 535) - тылы 'перо' (ур. *tulka, 535)

29) цѣж 'утка' (фуг. *čǝčǝ ~ *čǝnčǝ, 58) - цѣжы, диал. цѣзи 'молозиво' (доп. *čǝčǝ-, КЭСК: 311).

Приведенный материал (в список включены в основном имена удмуртского происхождения) позволяет сделать некоторые предварительные выводы:

2.1.1. Сохранение ауслаутного -ы (-и) в удмуртском языке в отдельных случаях можно было бы объяснить: а) фонетической структурой допермской праформы - наличием инлаутных сочетаний согласных (их квазиомонимы без -ы восходят к праформе с одиночным согласным в инлауте), см.: дуры (ии. -rv-), муры (*-rt-), пѣлы и тылы (*-lk-), пурты (*-rtt-), склы (*-δk-), сиры (*-rj-); б) производным характером основ: -кыли (суф. *-lǝ), тури (суф. *-kǝ). Однако факты не всегда созвучны с таким утверждением: во-первых, -ы отсутствует и при наличии сочетания согласных в инлауте праформы: куась (*-śk-), куѣ (*-śk-), кыль (*-lj-), мур (? < *-rj-), скл (*-lk-); во-вторых, в большинстве случаев при одинаковой фонетической структуре праформы удмуртские соответствия то имеют -ы

то употребляются без него (ср. лымы - лым (*-л-), пужы - пуж- (*-щ-), выжы - выж (*-нщ-), куры - кур (*-г-) и т.д.).

2.1.2. Отпадение/сохранение ауслаутного узкого гласного, одинаково возможные и допустимые в удмуртском языке, в определенных случаях, по-видимому, регулировались семасиологическими мотивами - стремлением избегать излишества в омонимах. Эту мысль подтверждают и те случаи, когда оба современных варианта (с -ы и без него) несомненно использованы для дифференциации значения, ср. кыд - кыды (8), пыр - пыры (19); ср. еще в кыркмасском говоре: вуг 'дужка ведра' - выгъ 'подути (деталь телеги)' (фп. *wаука, 814) (Кельмаков 1977: 33). С такой возможностью считается в одной из ранних работ и Д.Лако: прапермское *реже ~ *риже в удмуртском языке закономерно должно было дать *риж или в крайнем случае *рижй, но, поскольку эти слова уже существовали - первое в значении 'решето' и второе - 'узор', слово для обозначения 'оле-ния' сохранилось, по его мнению, лишь в производной форме рижей, где -е - не выпавший конечный гласный основы, а -j восходит к финно-угорскому уменьшительному суффиксу *-j (Лако 1934: 22-23).

2.2. Вмешательство семантики и морфологии (закона аналогии!) в развитие фонологического процесса особенно ярко проявилось в случае чередования -э(-) // -ы(-), имеющего место в двух морфологических категориях удмуртского языка: 1) в ПС-ах I-3 л. ед. ч.: гид-эд 'твой хлев' - пид-ыд 'твоя нога', гур-ез 'его печь' - ныр-ыз 'его нос'; 2) в окончании твор. падежа: зыр-ен '(с) рычагом' - йыр-ын '(с) головой', выж-ен '(с) мостом' - быж-ын '(с) хвостом' и т.д. Это странное на первый взгляд морфонологическое чередование э // ы получило в пермистике различное объяснение в зависимости от того, с каких позиций подходили к нему ученые.

2.2.1. Так, в морфологии современного удмуртского языка употребление ы-овой огласовки вышеназванных морфем (вместо общераспространенных суффиксов с гласным э) объясняется особой семантикой имен существительных и считается, что гласный ы в указанных суффиксах выступает в именах существительных:

1) именующих части тела: йыр-ы 'моя голова', тибыр-ын '(со) спиной' (всего 16 слов); но: йырси(-е) 'мои волосы', чырты(-е) '(моя) шея', мбля (-е) '(моя) грудь', чиньы(-е) '(мой) палец';

2) обозначающих отдельные внутренние и внешние свойства человека и некоторых других живых существ: лул-ы 'моя душа' (7 сл.);

3) именующих части или стороны предмета, вещи: йыл-ыз 'его кончик' (тйр) тышкын 'обухом (топора)' (14 примеров);

4) выражающих отношения времени: дыр 'время', нунал 'день', арес 'возраст'; но: толэзь 'месяц', арня 'неделя' и др.;

5) именующих родственные отношения: ныл-ы 'моя дочь', вын-ын-ыз '(с) его младшим братом' и др.; но: пи-е 'мой сын', ана-е 'моя мать' и др. (ГСЯ 1962: 81-83, 101).

В этой связи Д.Р.Фокош-Фукс заметил, что различие ПС-ов по э- или н-овой огласовке "скорее всего основано на исторической фонетике (позднее – по аналогии)", нежели на семантических признаках имен существительных (Фоков 1963: 217).

2.2.2. В.И.Лыткин, в 60–70 годы занимавшийся историей финно-угорского вокализма непервых слогов, подтвердил предположение Д.Фокош-Фукса, установив, что двоякая вокализация ПС-ов в удмуртском языке исторически восходит к двум типам основ финно-угорского праязыка: 1) имена с фуг. основой на узкий конечный гласный (*-e) присоединяют в удмуртском языке ПС с узким гласным ы: diñiz 'его комель' (ср. фин. tyvi < *tūje), luliz 'его душа' (ср. фин. löyly < *lewle) и др. (всего 39 закономерных соответствий и II случаев отклонений); 2) имена с фуг. основой на широкий ауслаут (*-a/*-ä) ПС оформляют с широким гласным э: gidāz 'его хлев' (ср. фин. kenttä, kentä), piśāz 'его жердь' (ср. фин. piha) и др. (26 закономерных соответствий и 9 исключений) (Лыткин 1970а: 231-233). В целом правильные соответствия составляют 77% от общего количества исследуемых В.И.Лыткиным финно-угорских основ (85), отклонения – 23%.

2.2.3. Возникает вопрос: как соотнести друг с другом несовместимые (на этом настаивал В.И.Лыткин – 1970а: 233-234) на первый взгляд "семантический" и "фонетический" теории, каждая из которых, исходя из собственных возможностей, по-своему различно, хотя и приблизительно с одинаковой доказательной силой (с массой отклонений при общей закономерности), объясняют функционирование в современном удмуртском языке двух рядов ПС-ов?

На мой взгляд, противоречия здесь мнимые, поскольку две эти теории отражают два различных этапа в процессе формирования системы ПС-ов в удмуртском языке (из тех трех этапов, которые можно было бы выделить под условными названиями (1) "фонетический", (2) "семантический" и (3) "морфологический").

2.2.3.1. Возникновение двух вокалических вариантов ПС-ов в своих истоках несомненно обусловлено было фонетическими причинами: в основах с широким конечным гласным (*-а/*-ä) ПС-ы и окончание инструмента получили э-овую огласовку, а в основах с конечным узким гласным обобщилась ы-овая огласовка.

2.2.3.2. Такая вариативность в плане выражения одного и того же значения, как известно, сохраняется в языке недолго: дублиеты или унифицируются под влиянием аналогии, или за каждым из них закрепляется особое значение или оттенок значения. В данном случае удмуртский язык пошел по второму пути, и на базе варьирования ПС-ов, некогда фонетически обусловленного, но впоследствии с отпадением конечных гласных основы в позднепрапермский период утратившего эту живую связь с породившим его финно-угорскими праязыковыми особенностями вокализма непервого слога, начала складываться особая лексико-семантическая группа имен существительных, объединенных общим значением "неотъемлемой принадлежности". Хотим мы этого или нет (В.И.Лыткин (1970а: 233), например, считает, что "нет оснований выделять слова в особую семантическую группу"), но вынуждены признать, что ПС-ы в ы-овой огласовке получили наибольшее распространение именно в группе слов, обозначающих части тела живых существ, родственные отношения, стороны предмета и др. В этой связи весьма показательны те отклонения в репрезентации финно-угорских широких и узких ауслатных гласных в современном удмуртском языке, которые В.И.Лыткин (1970а: 233) объясняет лишь как "смещение е-овых и а-(ä-)овых основ". Однако это взаимовлияние основ протекало, как показывают его же материалы, в строгом соответствии с семантикой: 1) из группы имен на "фуг. *-е > удм. -ы(з)" ушли в другую именно те, которые в большинстве своем (за вычетом, пожалуй, кызь 'моча') не соответствовали классу имен "неотчуждаемой принадлежности": ёс 'дверь', ыж 'овца', кыч 'шелуха', кызь 'ель', кый 'змея', кызь 'моча', кур 'луб, кора', нин 'лыко', пур 'плот', тэй 'вошь', уй 'ночь' (Лыткин 1970а: 231); 2) и, наоборот, в этот класс имен пришли в качестве исключения из группы "фуг. *-а/*-ä > удм. -э(з)" слова, обозначающие "неотъемлемую принадлежность" предмета (за исключением ин 'небо'): бер 'зад', ин 'небо', мыш 'тыльная сторона', пель 'ухо', пум 'конец', суй 'рука', син 'глаз', сял 'кишка', сюр 'рог' (Лыткин 1970а: 232-233).

Таким образом, на втором ("семантическом") этапе развития системы ПС-ов явно начала складываться в удмуртском языке лексико-семантическая категория "неотъемлемой принадлежности", характерная, кстати, для многих архаичных языков мира (см.: Сунник 1947), которая маркировалась посредством оппозиции -ы/-э, -ид/-эд, -ыз/-эз и -ын/-эн. Однако этот процесс по неизвестной нам причине (возможно, не без влияния экстралингвистических факторов) не завершился, поэтому "в удмуртском языке встречается немало слов с й-овыми формами, относящихся к тем же семантическим группам (части тела, термины родства и др.), что и слова с ї-овыми формами, напр.: *muwaz* 'его печень', *seraz* 'его желчь', *tuwaz* 'его борода' ... и т.д. Кроме того, среди слов с ї-овой формой много таких, которые трудно причислить к какой-либо определенной семантической группе или усмотреть в них какую-то грамматическую категорию неотчужденности, например: *kaliz* 'его веревка', *limiz* 'его бульон', *l'emiz* 'его черемуха' ... и т.д." (Лыткин 1970а: 233-234). Разумеется, не распределилось по вышеуказанным семантическим группам большинство поздних тюркских и русских заимствований.

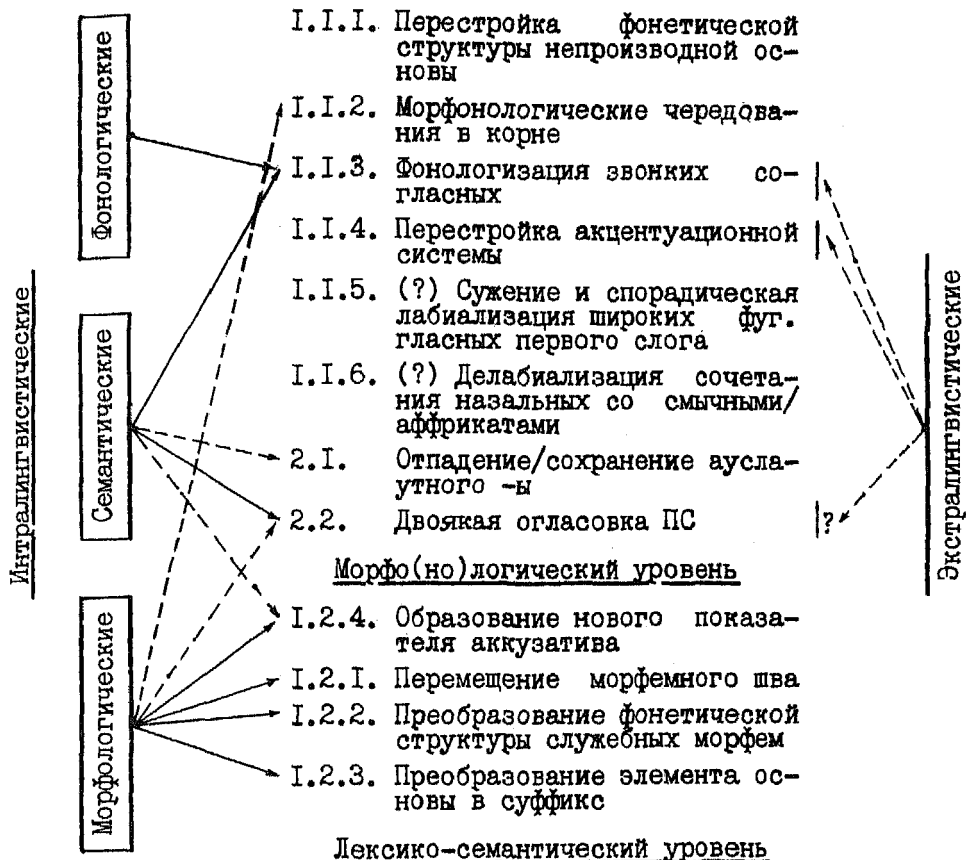
2.2.3.3. Третий этап характеризуется тем, что под влиянием мощного фактора аналогии происходит постепенное поглощение немногочисленной ы-группы имен существительных э-группой через промежуточный этап свободного варьирования у них форм на -ы и -э, напр.: *льбыыз* ~ *льбмез* 'его черемуха' (фин. *tuomi*), *тылыз* ~ *тылэз* 'его огонь' (фин. *tuli*), *кылын* ~ *кылэн* '(с) языком' (фин. *kieli*), *тöлын* ~ *тöлэн* '(с) ветром' (фин. *tuuli*) и т.д.

Поскольку и выравнивание форм по аналогии действует, по-видимому, довольно давно, то в каждом конкретном случае трудно определить, каким образом слово, по фонетическим признакам относимое к ы-группе, в настоящее время присоединяет ПС и окончание творительного падежа с огласовкой на -э: под действием семантического фактора или в результате выравнивания по аналогии.

3. Как можно было заметить, отпадение конечных гласных финно-угорской основы явилось ярчайшим феноменом пермской диахронии, спровоцировавшим сложное взаимодействие различных факторов многих ярусов системы языка в преобразовании ее в существенных звеньях и стянувших все многообразие процессов изменений в древнейший период истории удмуртского и коми языков в один узел, что можно было бы наглядно представить в нижеследующей таблице-схеме:

Воздействие различных факторов на протекание языковых процессов – последствий отпадения конечных гласных основы

Фонетико-фонологич. уровень

Этот исключительно важный для пермских языков фонетический процесс вместе с обусловленной им серией других изменений (см. также: Кельмаков 1986: 124) по существу преобразовал весь ранний прапермский язык(-основу), по всей вероятности, мало чем отличавшийся от праязыков предшествующих эпох (финно-пермского, финно-угорского), через позднепрапермский язык в современные, основательно отдалив их от других языков финно-пермской группы (саамского, финского, мордовских и др.), с одной стороны, и создав мощный общепермский фонд для удмуртского и коми языков во всех

уровнях языковой системы, с другой. Отпадение конечных гласных основы по своей значимости для истории пермских языков разве что сравнимо - если позволительно проведение аналогий из истории языков различных семей - с падением праславянских редуцированных в истории древнерусского языка, которое способствовало формированию современного состояния не только "фонологической системы и собственно фонетических особенностей", но и "затронуло его грамматический строй, отразилось в словообразовательных средствах и лексике" всех "трех восточнославянских языков - русского, белорусского, украинского" (Черных 1962: II2-II3; Горшкова - Хабургаев 1981: 65-71; Собинникова 1984: 77).

Л и т е р а т у р а

- Б у б р и х Д.В. Историческая фонетика удмуртского языка (сравнительно с коми языком). - Ижевск, 1948. - II2 с.
- Г о р ш к о в а К.В., Х а б у р г а е в Г.А. Историческая грамматика русского языка. - М., 1981. - 360 с.
- ГСУЯ 1962 - Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология. - Ижевск, 1962. - 376 с.
- К е л ь м а к о в В.К. Этимологии некоторых удмуртских слов // Записки / Удмуртский НИИ ист., экон., лит-ры и языка при СМ Удм.АССР. - Ижевск, 1970. - Вып.21: Филология. - С.134-143.
- Финно-угорская праязыковая особенность вокализма непервого слога и ее следы в пермских языках // Вопросы удмуртского языкознания: Сб. статей. - Ижевск, 1975. - Вып.3. - С.65-89.
- Краткая характеристика кыркмасских говоров южноудмуртского наречия. I // Вопросы удмуртской диалектологии: Сб. статей и материалов. - Ижевск, 1977. - С.26-61.
- Последствия отпадения конечных гласных основы в пермских языках // CQIFU; Pars VI: Dissertationes sectionum: Phonologica et morphologica, syntactica et semantica. - Turku, 1981. - С. 133-138.
- Фонетическое варьирование слов в удмуртском языке. I: Варьирование гласных непервых слогов // Вопросы удмуртской диалектологии и ономастики: Сб. статей. - Ижевск, 1983. - С.50-61.
- Роль отпадения конечных гласных основы в развитии фонетического строя пермских языков // Фонетика и письмо: Межвузов. сб. научн. трудов. - Ижевск, 1986. - С.116-128.
- К о с е р и у Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. - М., 1962. - Вып.Ш. - С.143-343.
- Л а к о Д. Существовали ли в финно-угорском языке-основе звонкие смычные согласные в начале слова? // Annales Universitatis Scientiarum Budapestiensis. 1964. V. - С.57-73.
- Л ы т к и н В.И. Древнепермский язык: Чтение текстов, грамматика, словарь. - М., 1952. - 174 с.

- Дыткин В.И. Историческая грамматика коми языка. Ч. I: Введение. Фонетика. - Сыктывкар, 1957. - 135 с.
- Исторический вокализм пермских языков. - М., 1964. - 270 с.
- Вопросы акцентуации пермских языков // Beiträge zur Sprachwissenschaft, Volkskunde und Literaturforschung. - Berlin, 1965. - С. 257-265.
- К вопросу о звонких согласных начала слова в финно-угорских языках // СФУ. 1968. I (IV). - С. 19-25.
- О вокализме непервого слога финно-угорских языков // СФУ. 1970а. 3 (VI). - С. 221-238.
- Проблема лексического ударения в финно-угорских языках // АН. 1970б. 3-4 (20). - С. 245-263.
- Несколько слов о вокализме ижемского диалекта коми языка // СФУ. 1970в. 4 (VI). - С. 259-261.
- Лабиализация гласных в пермских и марийском языках // СФУ. 1972. 2 (VIII). - С. 101-113.
- Сравнительная фонетика финно-угорских языков // Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). - М., 1974. - С. 108-213.
- Макеев Э.А. О некоторых проблемах диахронической лингвистики // Philologica. Исследования по языку и литературе: Памяти академика В.М. Жирмунского. - Л., 1973. - С. 226-233.
- Общее языкознание 1970 - Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка. - М., 1970. - 604 с.
- Собинникова В.И. Историческая грамматика русского языка. - Воронеж, 1984. - 296 с.
- Стеблин-Каменский М.И. К теории звуковых изменений // ВЯ. 1966. 2. - С. 66-79.
- Тепляшина Т.И. Типологическая эволюция структуры прафинно-угорского корня в пермских языках // Историко-типологические исследования по финно-угорским языкам. - М., 1978. - С. 266-325.
- Терентьев В.А. О долготах гласных и согласных в ижемском диалекте коми-зырянского языка // СФУ. 1970. 4 (VI). - С. 255-257.
- Черных П.Я. Историческая грамматика русского языка: Краткий очерк. / Изд. 3-е. - М., 1962. - 376 с.
- Désy Gy. Finnougrische Lautforschung // UAJb. 1969. 41. - S. 33-75.
- Фокос Д. /Рецензия/ // Нук. 1963. 1 (65). - 215-218 old. Рец. на: ГСУЯ 1962 (см.)
- Gul J. A fonemarendszer változásának mennyiségi összetevői (A hangváltozások kérdésehez) // Нук. 1964. 2 (66). - 303-314 old.
- Hajdú P. Bevezetés az uráli nyelvtudományba (Magyar nyelv finnugor alapjai). - Budapest, 1966. - 180 l.
- Itkonen E. Über die Betonungsverhältnisse in den finnisch

ugrischen Sprachen // ALH. 1955. V.

- K á l m á n B. Zur Entstehung des ungarischen Konsonantismus // CSIFU. Pars I: Acta linguistica. - Helsinki, 1968. - S.227-234.
- K o r e n c h y É. Permi vokalizmusproblémák // NyK. 1974. 1-2 (76). - 37-75 old.
- L a k ó G y. A szóvégi magánhangzókról // NyK. 1933. XXIX. -171-177 old.
- A permi nyelvek szóvégi magánhangzói. - Budapest, 1934. 65 l.
- A magyar hangállomány finnugor előzményei.- Budapest, 1965. - 67 l.
- M o l n á r F. A permi nyelvek szóvégi magánhangzóinak történetéről // NyK. 1974a. 1-2 (76). - 77-118 old.
- Megjegyzések a finnugor alapnyelv szóvégi magánhangzóinak történetéhez // Magyar nyelvjárások. (Debrecen). 1974b. XX. - 109-113 old.
- R a d a n o v i c s K. Adalékok a permi nyelvek alaktanához // NyK. 1959. LXI.
- R é d é i K. A permi nyelvek első szótagi magánhangzóinak a történetéhez // NyK. 1968. LXX. - 35-45 old.
- Sandhi-Erscheinungen in den permischen und wolga-finnischen Sprachen // ALH. 1-4 (24). - S.307-314.
- Der Akkusativ in den uralischen Sprachen (Zum Kasusystem der uralischen Grundsprache) // CTIFU. Pars I: Acta linguistica. - Tallinn, 1975. - S.133-138.
- A permi elativusrag eredete // NyK. 1980. 1-2 (82). - 265-270 old.
- Uralisches Etymologisches Wörterbuch. - Budapest, 1986. - Lief. 1. - XLVIII + 84 S.
- S e t ä l ä E.N. Über Quantitätswechsel im Finnisch-ugrischen // JSFOu. 1896. XIV₃.
- S t e i n i t z W. Geschichte des finnisch-ugrischen Konsonantismus // Acta Instituti Hungarici Universitatis Holmensis. Series B: Linguistica. 1. - Stockholm, 1945. - S.15-39.
- S z i n n y e i J. Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. - Berlin - Leipzig, 1922. - 133 S.
- U o t i l a T.E. Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen. - Helsinki, 1933. - 446 S.
- W i c h m a n n Y. Zur permischen Grammatik // FUF. 1923-1924. 2-3 (XVI). - S.146-163.